

На правах рукописи

Ковалева

Ковалева Светлана Викторовна

**Письменная традиция и лексический потенциал языка
(на материале карельского языка)**

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск
2006

Работа выполнена в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Научный консультант:

доктор филологических наук
Зайцева Нина Григорьевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Юдакин Анатолий Петрович
кандидат филологических наук
Карлова Ольга Леонидовна

Ведущая организация:

Карельский государственный
педагогический университет

Защита состоится 15 декабря 2006 года в 15 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Петрозаводском государственном университете по адресу:

185640, г. Петрозаводск, ул. «Правды», д.1, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан «14» ноября 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Т.И. Старшова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Актуальность темы определяется необходимостью синхронного изучения процессов становления и кодификации молодой литературной нормы карельского языка. Новописьменный карельский язык, относящийся к языкам с прерванной письменной традицией, развивается в течение непродолжительного с точки зрения формирования литературной нормы периода (с начала 1990-х годов).

Создание (или воссоздание) письменности представляет собой мощный экстралингвистический фактор воздействия на всю языковую структуру. Особенно пронизательной для такого воздействия оказывается лексика. К настоящему времени в карельском языке насчитывается до 15 000 новых лексических единиц. В диссертации исследуются пути и способы создания новой лексики и производится социолингвистический анализ её употребления.

Становление новой письменной формы карельского языка изучается с точки зрения преемственности письменной традиции, а также воздействия всего комплекса факторов, имеющих непосредственное или опосредованное влияние на развитие языка.

Исследование осуществляется на стыке лингвистики, социолингвистики и этносоциологии.

Всесторонний анализ проблем формирования литературного языка под воздействием совокупности объективных и субъективных факторов является чрезвычайно злободневным с точки зрения стратегии статусного и корпусного языкового планирования.

Целью диссертационного исследования является определение наиболее релевантных факторов взаимодействия общества и языковой структуры в формировании письменной традиции и лингвистический анализ способов образования новых лексических единиц.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

- изучение исторического контекста формирования новописьменного карельского языка;
- синхронное описание современных языковых процессов, коррелирующих с формированием литературной формы;
- установление наиболее предпочтительных моделей современного словообразования;
- выявление особенностей использования новой лексики носителями языка в условиях расширения коммуникативной функции карельского языка и определение языковых установок.

Предметом исследования диссертации стали факторы формирования письменной формы карельского языка и пути и способы создания новейшей лексики.

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы несколько методов исследования: синхронный, сравнительно-исторический, сопоставительный метод для анализа словообразовательных моделей, а также метод социолингвистического анкетирования для определения языковой компетенции и оценочных установок обследуемых информантов при анализе параметров языковой ситуации.

Теоретической и методологической основой диссертационного исследования послужили труды известных отечественных и зарубежных лингвистов по лексикологии, грамматике финно-угорского и общего языкознания, а также по социо- и этнолингвистике.

Особую благодарность за научную помощь при формировании структуры работы, концепции методики исследования и замечания по содержанию хочется выразить первому научному руководителю диссертационной работы доктору филологических наук Т.Б. Крючковой.

Материал для исследования. В диссертации использован материал проведённого двухэтапного эксперимента, в ходе которого было обследовано 320 информантов. Способы номинации новой лексики проанализированы на материале более 600 лексических единиц. Особенности употребления новых слов исследовались с привлечением ста лексем.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на материале карельского языка проанализированы способы образования новых единиц общей и специальной лексики, наиболее активно используемой в процессе коммуникации; анализ новейшей лексики произведён в синхронном и диахроническом контекстах формирования письменной традиции; выявлены языковые установки носителей карельского языка и языковые предпочтения по употреблению формирующегося словарного состава; исследование формирования письменной традиции карельского языка произведено на основе анализа совокупности объективных и субъективных факторов языковых ситуаций, складывающихся в разные периоды формирования карельской письменности.

Практическая значимость работы заключается в том, что теоретические материалы диссертации можно использовать для дальнейших изысканий лексики новописьменного карельского языка и при составлении специализированного лексикологического курса, а экспериментальные наработки учитывать при решении вопросов языкового планирования. Методика произведённого в работе обследования может быть использована при проведении мониторинга языковой ситуации.

Апробация работы. Основные положения и результаты работы были изложены в докладах республиканских и международных конференций, а также в 8 научных статьях. Методика исследования новой лексики, применённая в работе, используется в студенческих дипломных работах.

Структура диссертации. Диссертация состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы и сокращений, содержит сводные таблицы. Объём работы составляет 200 страниц компьютерного текста. Список использованной литературы включает 173 источника.

Содержание работы и результаты исследования

В предисловии обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цели и задачи работы, научная новизна, практическая значимость, указываются источники и методы исследования, сообщается об апробации его основных результатов.

Введение посвящено изучению факторов складывания письменной традиции языка. В разделе рассмотрены теоретические предпосылки, на основании которых можно проанализировать процессы формирования письменности.

Обладая богатством лексического состава и широчайшими возможностями средств выражения, будучи структурно и функционально развитым, карельский язык относится к языкам с прерванной письменной традицией. Развитие письменности языка, начавшееся в годы так называемой культурной революции, было прервано на десятки лет, а язык стал «предметом академической науки, превратившись в какой-то степени в музейный экспонат и элемент экзотики»¹. Современный этап складывания письменной традиции с соответствующим расширением функциональных возможностей карельского языка также отличается неоднозначностью: в Российской Федерации это единственный язык, давший официальное название субъекту Федерации и не имеющий официального статуса в этом субъекте. В течение последних 16-17 лет карельский язык возрождается как новописьменный, но его истинная письменная традиция насчитывает столетия.

В процессе складывания письменной формы языка в значительной степени решающую роль имеют социальные факторы. Внеязыковые фак-

¹ Зайцева Н.Г. Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. – Петрозаводск, 2002. – С.29.

торы во многом предопределяют развитие лексической системы, но не делают это развитие независимым от внутривидового влияния. В свою очередь, создание письменности стимулирует развитие системы языка в целом, представляя собой фактор сознательного и спорадического воздействия на язык.

Формирование письменной традиции происходит в результате взаимодействия различных по своей природе факторов – это и объективно складывающаяся языковая ситуация, характеризующаяся набором различных параметров синхронного и диахронического плана (таких, как доминирующий тип двуязычия, функциональная стратификация взаимодействующих языков и т.д.), и социальный заказ общества, находящийся выражение в регламентированной языковой политике, и развитие внутренней языковой структуры (особенно словарного состава) для выполнения соответствующей функциональной нагрузки.

Письменная традиция языка невозможна без складывания определённой *языковой ситуации*, комплексный анализ которой может быть полезен при выработке стратегических решений в период формирования письменности.

Наиболее общее понятие, лежащее в основе определения языковой ситуации, - социально-коммуникативная система.² Различные говоры и диалекты, используемые языковым коллективом в условиях одноязычия, а также различные языки, образующие социально-коммуникативную систему в условиях дву- и многоязычия, являются компонентами социально-коммуникативной системы. Между компонентами социально-коммуникативной системы существуют отношения функциональной дополнителности.

Языковая ситуация характеризуется этнолингвистическим, социолингвистическим и собственно лингвистическим компонентами. Этнолингвистическая структура представляет собой исторически сложившийся и относительно стабильный компонент языковой ситуации. Социолингвистическими компонентами являются социально-демографические параметры социальной базы языков, языковая компетенция различных групп населения, общественный статус языков, их функциональная дистрибуция, типы языковых контактов, принципы языковой политики, языковые конфликты и языковое законодательство. Лингвистические компоненты языковой ситуации – это сами языки, которые различаются по степени внутривидового развития и объёму выполняемых ими функций.

² Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. – М., 1976. – С.133.

С теорией языковой ситуации тесно связаны вопросы, касающиеся определения и характеристики таких понятий в лингвистике, как «*билингвизм*» и «*диглоссия*». Билингвизм и диглоссия представляют собой отражение в личностном плане сложившейся языковой ситуации. В условиях билингвизма по набору общесловесных функций языка делятся на монофункциональные (с минимальным объёмом функций) и полифункциональные (с максимальным объёмом функций). В соответствии с функциональной нагрузкой языков можно выделить параллельный билингвизм, при котором языки полифункциональны, и доминантный билингвизм, при котором один из языков полифункционален, а набор функций второго значительно меньше.³

При диглоссии между формами языка также существуют отношения функциональной дополнительности. *Литературный язык* представляет собой кодифицированную разновидность национального языка, выступающего в качестве его образцовой и престижной формы и имеющую конкретные задачи и функции в общенациональной языковой коммуникации. В общей характеристике языковой ситуации литературный язык обладает следующими различительными признаками: 1) общенациональный характер; 2) кодифицированность литературной нормы; 3) относительное единство нормы; 4) относительная связь с кругом носителей; 5) функционально-стилистическая дифференциация.

Билингвизм, или двуязычие, будучи наиболее распространённой формой реализации многоязычия, или полилингвизма, по своему определению предполагает взаимодействие или *контакт языков*.

На развитие языка в целом, и на формирование письменной традиции, в частности, в немалой степени оказывают влияние субъективные факторы. Одним из наиболее мощных является *языковая политика*. Языковая политика оказывает существенное влияние на функциональное распределение языков, способствуя выдвиганию на более высокий уровень одних и препятствуя распространению и локализуя другие, а также на развитие языковой системы, стимулируя использование и развитие одних элементов и сдерживая употребление других. Языковая политика включает в себя языковое планирование, которое может быть распределено по таким сферам: планирование социальных функций языка, планирование формирования и развития элементов структуры литературного языка, планирование некоторых явлений взаимодействия языков. В последнее время эти типы планирования

³ Крысин Л.П. О некоторых особенностях двуязычия // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М., 2000. – С.153-177.

чаще принято называть «статусным и корпусным языковым планированием».⁴

Первая глава «История развития карельской письменности» представляет собой историческую справку формирования письменного карельского языка и состоит из двух разделов.

В первом разделе «Карелоязычные письменные памятники» дан обзор письменных источников на карельском языке, представляющих собой интерес с точки зрения формирования письменной традиции.

Первый письменный текст на карельском языке известен благодаря найденной в Новгороде берестяной грамоте (N 292), датируемой XII-XIII веками. Запись сделана кириллицей и содержит заклинание от молнии. К ранним памятникам письменности карельского языка относятся русско-карельские словарные записи XVII - начала XVIII веков. Однако, первые печатные тексты на карельском языке появились только в первой половине XIX века и представляли собой в основном тексты духовного содержания. В настоящее время один из таких текстов - молитвенник Е.И.Тихонова считается лучшим по орфографии печатным изданием на сямозерском говоре ливвиковского наречия карельского языка. С точки зрения грамматики карельского языка одним из лучших печатных изданий считается также книга А. Логиновского «Начала христианского учения», вышедшая в 1882 году.

Наиболее известным фольклорным памятником является эпос «Калевала», в процессе письменной фиксации которого карельский язык претерпел некоторые изменения, внесённые её автором Э. Лённротом.

Безусловными письменными памятниками считаются также учебники карельского языка, изданные в конце XIX века в связи с открытием в некоторых волостях Карелии школ для карел.

Поскольку письменных источников на карельском языке не так много, лингвистические описания системы карельского языка представляют несомненную историческую ценность. Большая работа по исследованию карельского языка была проделана финскими лингвистами, в числе которых были А. Генети, Х. Оянсуу, Ю.Куела, Х. Лескинен.

Во втором разделе «История создания карельского письменного языка в свете национальной и языковой политики в XX веке» представлен анализ исторических событий и поворотов языковой политики, приведших к тому, что формирование карельской письменности, не успев начаться, было прекращено, а язык, не имея перспектив и какой-либо серьезной мотивации использования, к началу нового этапа

⁴ Раннут М. Пособие по языковой политике. – Таллинн, 2004. – С.84-140.

своего развития (к концу 1980-х годов) функционировал как средство бытового общения.

В советскую эпоху систематическая работа в области языкового строительства в Карелии началась с созданием в июне 1920 года Карельской трудовой коммуны. К 1920 году карелы составляли демографическое большинство в республике – 59,8%. Специфика языковой ситуации Карелии состояла в том, что бытование карельского языка осложнялось постоянной конкурентной борьбой с полифункциональным финским языком. В конце 1920-х годов, когда большинство бесписьменных языков страны получили письменности, в Карелии произошла замена карельского языка финским. При сложившейся ситуации заметно выросла прослойка трёхязычного населения: по данным переписи 1933 года 51% карел знали грамоту на русском, 23% на русском и финском, 26% на финском языке.

Новый этап языковой политики начался после отстранения в 1935 году руководства республики во главе с Э.Гюллингом. В конце 1937 года был утверждён алфавит карельского литературного языка на основе русской графики письма и издана разработанная профессором Д.В. Бубрихом грамматика карельского языка. Д.В. Бубрих обосновывал самодостаточность и независимость карельского языка с точки зрения развития языкового строя в целом. Карельский язык длительное время оставался в тени финского языка, и Д.В. Бубрих пытался на разных уровнях языковой системы доказывать его самостоятельность. Взгляды Д.В. Бубриха представляют сегодня ценность прежде всего как факт истории. Кроме того, это было мнение известного учёного. Однако, создание письменного карельского языка стало политическим заказом, поэтому сформированная в конце 1930-х годов междиалектная форма единого карельского языка требует тщательного лингвистического анализа, особенно с точки зрения преемственности письменных традиций истории и современности. Такой анализ мог бы стать темой отдельного исследования.

Попытка создания литературного карельского языка не увенчалась успехом. Как основную причину такой неудачи мы рассматриваем непродолжительность того периода, в течение которого литературная норма не только не успела устояться, но не могла быть должным образом сформирована. Родственный финский литературный язык в своём становлении, как с точки зрения языковых норм, так и в развитии художественных и эстетических особенностей, прошёл путь с XVI по XX век.

Таким образом, традиция письменного карельского языка прервалась до конца 1980-х годов. Функционирование карельского языка ограничилось семейным общением. Согласно данным социологов, 80% сельских

карел в конце 1970-х годов свободно говорили по-карельски. Но при общении с детьми лишь треть родителей в той или иной степени использовали карельский язык. Учитывая, что из образовательной сферы язык был исключён, очевидно, что освоить его в дальнейшем не представлялось возможным.

Комплексу вопросов формирования новой письменной традиции посвящена основная вторая глава работы **«Современные этнические и социальные условия языковой жизни в Карелии и формирование карельской письменности»**.

В первом разделе второй главы *«Современные языковые процессы в Республике Карелия и факторы, их формирующие»* прежде всего анализируются объективные факторы современной языковой ситуации. Среди этих факторов наиболее релевантными для характеристики языковых процессов представляются такие, как национальный состав республики, особенности расселения карельского населения, демографические характеристики. Согласно данным переписи населения 2002 года, среди всего населения Карелии карелы составляют 9,2%. Представители карельского этноса Республики Карелия являются преимущественно городскими жителями. Самым крупным центром сосредоточения карел является Петрозаводск, значительная часть карел проживает также в Кондопоге, Костомукше, Сегеже, Питкяранте, Суоярви. Олонец - единственный город республики, где карелы составляют большинство населения.

Среди других, имеющих значение для формирования языковой картины, демографических характеристик карельского населения можно отметить высокий уровень межнациональной брачности и существенное постарение карельского этноса. Согласно данным переписи 2002 года, наиболее многочисленную группу среди всех городских и сельских жителей составили карелы в возрасте от 70 и старше лет – 7986 человек.

К началу нового периода формирования письменности карельского языка преобладающий тип двуязычия в республике можно было охарактеризовать как распределённый доминантный. Как особенность в формировании двуязычия следует отметить владение некоторой частью карельского населения не только карельским и русским языками, но также финским языком. Среди самой молодой части карельского населения преобладающий тип двуязычия – пассивный, когда дети ещё понимают карельскую речь, но отвечают и общаются по-русски.

В целом сложившаяся в Карелии к началу 1990-х годов ситуация с карельским языком была достаточно специфической. Во-первых, оба языка коренного населения (карельский и вепсский) являлись бесписьменными. Во-вторых, карельский язык представлен тремя наречиями. В отечествен-

ном финно-угроведении принято выделять три основных наречия карельского языка: собственно-карельское, людиковское и ливвиковское (или олонекское). В-третьих, карельский и вепсский языки находятся в близком родстве с финским языком, функционально гораздо более развитым и имеющим давние письменные традиции. Во всех сферах образования функционировал русский язык.

Точкой отсчёта воссоздания карельской письменности стал период конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда на волне демократических перемен были предприняты первые шаги по возрождению письменного карельского языка. Карельский язык вернулся в систему школьного образования, ему стали обучать в вузах. В настоящее время, несмотря на то, что количество школ с преподаванием карельского языка остается стабильным, такой параметр, как доля фактической реализации права обучения на родном языке, является достаточно низким. Право изучать язык своей национальности с учётом данных переписи 2002 года фактически реализуют только 26,7% карел.

В качестве особенности современного бытования карельского языка стоит указать на то, что большинство представителей карельского этноса владеют либо своим диалектом, либо овладевают в учебных заведениях литературной формой новописьменного языка. Таким образом, в настоящее время отмечается своеобразная односторонняя диглоссия.

Основные сферы современного функционирования карельского языка – это внутрисемейное бытовое общение и традиционная хозяйственная деятельность, образование, массовая коммуникация и художественная литература. Для поддержания витальности языка этих сфер, по мнению учёных, вполне достаточно.⁵ Тем не менее, стратегия на формирование литературной языковой формы требует не только поддержания, но и дальнейшего развития функциональных возможностей карельского языка.

Такое функциональное развитие языка должно быть обеспечено соответствующей языковой политикой. Поддержка структурами власти Карелии концепций и программ развития национальной школы, возрождения культуры и языка карел «...придали возрожденческим устремлениям правовую основу».⁶ Языковая политика представляет собой субъективный фактор формирования языковой ситуации. К числу субъективных факто-

⁵ Крючкова Т.Б. Языковая ситуация в Республике Карелия: история развития и современное состояние // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. – М., 2000. – С.196.

⁶ Клементьев Е.И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. – М., 2003. – С.55.

ров относится также степень языковой лояльности, то есть, установки населения относительно функционирования карельского языка.

В ходе обследования, целью которого было определение языкового поведения и языковых установок представителей карельского населения, были сделаны следующие выводы:

1. Определение родного языка и национальности у информантов самой младшей возрастной группы (школьников 9-10 лет) стопроцентно не совпало. Около 65% детей понимали карельский язык, но не говорили на нем. Эта модель языкового поведения отражает характерный для молодого поколения карел тип пассивного двуязычия.
2. С другой стороны, самая старшая группа обследуемых информантов выявила прямо противоположную модель языкового поведения: определение национальности и родного языка совпало у всех участников обследования, более 80% анкетированных при общении с детьми пользовались карельским языком (наряду с русским). Была отмечена достаточно высокая престижность карельского языка в данной группе анкетированных: 90% информантов признавали за карельским языком право быть государственным.

Поскольку в конце 1990-х годов активно обсуждался вопрос придания карельскому языку статуса государственного языка, мы посчитали важным выяснить отношение к этой проблеме не только представителей карельского этноса, но и жителей Карелии других национальностей. Из 157 информантов заинтересованность проблемами языковой жизни проявили почти половина опрошенных. Только 15% информантов посчитали мероприятия по сохранению коренных языков Карелии не имеющими смысла, значительное большинство (75%) ответили, что карельский и велсский языки нужно сохранять и развивать. Четверть отвечавших не были бы против того, чтобы их дети изучали карельский язык в школах, в то время, как практически половина не проявили такого желания. Больше трети посчитали возможным лично обучиться карельскому языку, но более половины ответили, что не видят такой необходимости. Возможными государственными языками назвали (по количеству ответов): 1) только русский; 2) русский и финский; 3) финский, русский и карельский; 4) русский и карельский языки. Таким образом, внутренняя оценка роли карельского языка со стороны не-карельского населения оказалась достаточно низкой.

Второй раздел главы *«Развитие лексической системы карельского языка в условиях формирования письменности»* включает в себя непосредственно лингвистический анализ формирования новейшей карель-

ской лексики и социолингвистический анализ употребления новых лексических единиц.

Особенности функционирования карельского языка в домашне-бытовой сфере общения на протяжении многих десятилетий обусловили естественное развитие тех групп лексики, которые отражали в основном хозяйственный уклад жизни карел. Тем не менее, говоря о неразвитости терминологии карельского языка в целом, следует указать, что некоторые тематические группы терминов существовали уже давно (например, лексика флоры, фауны, различных промыслов, обрядов, традиций).

Основной словарный фонд карельского языка, как и всех финно-угорских языков, составляют слова уральского и финно-угорского происхождения. Заимствованную лексику карельского языка составляют индоевропейские, балтийские, германские, славянские, шведские и русские элементы. Из заимствований одними из наиболее древних принято считать балтийские заимствования.

Развитие словарного состава новописьменного карельского языка началось с первой половины 1990-х годов с выходом в свет карелоязычных газет, учебных изданий, художественной литературы и в связи с преподаванием карельского языка в системе образования. Новая лексика и терминология зафиксированы в изданиях Республиканской термино-орфографической комиссии, в новых словарях карельского языка.

Как показал анализ современного словообразования, источниками номинации становятся собственные ресурсы карельского языка, а также заимствования из русского языка, как соседствующего функционально развитого идиома, и из финского языка, как близкородственного.

На основании проанализированного лексического материала можно утверждать, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдаётся *морфологическому способу словообразования*. В современном словообразовании при создании терминов и слов, близких по значению к терминологической лексике, одним из наиболее предпочтительных стал суффиксальный способ.

Система карельских суффиксов чрезвычайно богата и сохранилась до наших дней в активном и живом состоянии. Новые слова, созданные при помощи традиционных суффиксов, воспринимаются носителями языка в основном как знакомые и достаточно понятные. При этом в сферу наибольшей продуктивности попали суффиксы, образующие слова абстрактного и обобщённого значения, т.е., ту лексику, в которой язык остро нуждался в связи с расширением его функционального пространства. Например, в тех случаях, когда новообразова-

ния созданы при помощи суффикса -кко (-kkö), можно говорить о процессе активизации традиционной суффиксальной модели для создания слов обобщённого значения.

Среди суффиксов, наиболее активно используемых при образовании имен существительных, в отыменных дериватах стали такие, как *-us, -iis, -ys, -hus, -hiis, -hys, -vus, -viis, -uus*. В ливвиковском наречии с этими суффиксами созданы новословы *tolkuttomus* 'абсурд' < *tolkutoi* 'бестолковый', *ozattomus* 'авария' < *ozatoi* 'несчастный', *kunnottomus* 'непорядочность' < *kunnotoi* 'непорядочный', *hendovus* 'субтильность' < *hendo* 'слабый'. В собственно-карельском наречии аналогичным образом появились лексемы *tärkeys* 'насущность' < *tärkie* 'важный', *mukavus* 'комфорт' < *mukava* 'красивый', *kaunehus* 'красота' < *kaunis* 'красивый'.

В новообразованиях коллективного значения широко используется суффикс *-sto, -stö, -isto, -istö*: *kartasto* 'атлас' < *kartu* 'карта', *pertistö* 'апартаменты' < *perti* 'комната', *lehtistö* 'пресса' < *lehti* 'газета' (ливвиковское наречие); *kortisto* 'картоoteca', *herralisto* 'номенклатура', *sisävesistö* 'внутренние воды' (собственно-карельское наречие).

Исключительно живым в современном языке оказался один из древнейших и наиболее распространённых суффиксов карельского языка *-niekku*, который является практически единственным заимствованным суффиксом, поскольку карельская языковая словообразовательная система в целом является достаточно закрытой для иноязычных влияний. Суффикс продуктивно используется в ливвиковском наречии в моделях образования дериватов со значением какого-либо рода деятельности: *vuogoniekku* 'сменщик', *virguniekku* 'служащий', *valgotehniekku* 'светотехник'.

При образовании deverбальных дериватов наиболее продуктивными оказались суффиксы *-u, -ii, -u* и *-ndu, -ndii, -nta, -ntä*. В ливвиковском наречии примерами новых слов можно назвать *ajattelu* 'замысел' < *ajatella* 'думать', *lajittelu* 'дифференцирование' < *lajitella* 'сортировать'; в собственно-карельском наречии – *muuttelu* 'вариация' < *muutella* 'менять', *esittely* 'аннотация' < *esitellä* 'знакомить', *arvelu* 'гипотеза' < *arvella* 'полагать'.

Аналогично именам существительным, которых в современном языке создается достаточно много, происходит образование имен прилагательных и глаголов – от именных и глагольных основ.

Распространённым способом образования новых лексем стало словосложение. При словосложении части слов могут включать элементы как исконного, так и заимствованного происхождения: *tüttiteatru* 'кукольный театр', *školanprogramma* 'школьная программа'. При этом первая часть сложного слова может быть выражена именем существи-

тельным как в форме именительного падежа – *pagin/luadu* 'акцент', *ilmu/virtu* 'воздушный поток', *piha/kieli* 'жаргон', *vuoro/pakina* 'диалог', так и других косвенных падежей: генитива – *tahvahan/valittu* 'депутат', *piän/vaiiva* 'головоломка'; инессива – *varas/olii* 'дублер', *koissa/tuataja* 'надомник' и др.

В процессах словообразования используются заимствования из русского языка, как наиболее развитого соседствующего идиома, и финского языка, как близкородственного. Особенностью употребления заимствований становится тот факт, что вновь созданные слова терминологического значения из собственных элементов карельского языка зачастую имеют дублетный вариант, обычно – интернационализм, заимствованный через русский язык, например, 'саммит' – *ülincerähmä* и *sammittu*; 'траулер' – *merinuotanvedäi* и *trauleri*.

Помимо заимствований, особую группу словообразовательных моделей представляют кальки и полукальки. Использование полукалек и калек – один из наиболее предпочтительных способов пополнения лексики младо- и новописьменных языков, поскольку они наилучшим образом вписываются в языковую систему. В карельском языке множество новых слов образовано по правилам карельской грамматики под влиянием финского и других близкородственных языков: 'численность населения' – *tahvahanlugu*, 'множественное число' *monikko* и др.

Таким образом, наряду со средствами карельского языка при развитии лексической системы используются и возможности других языков, причём эти две тенденции, на наш взгляд, должны уравнивать друг друга, поскольку и излишний пуризм (особенно в области создания терминологических систем), и чрезмерное увлечение заимствованиями не могут по отдельности обеспечить полноценное развитие словарного состава языка.

При возрождении и развитии языка наряду с суффиксацией и словообразованием наблюдается также довольно активный процесс перехода забытых или полужабытых слов в разряд активной лексики: *aineh* 'вещество', *ehto* 'условие', *indo* 'вдохновение' и т.д. В процессе создания новых терминов одним из способов наряду с морфологическим способом и заимствованиями является также терминологизация, т.е., перевод общеупотребительного слова в термин, например, 'терроризм' – *riipavo*, 'реализм' – *tozi*. Лексема *virkeh* употребляется сейчас в терминологическом значении 'предложение', сохраняя в остальных случаях свою прежнюю семантику 'слова, укор'.

В отношении морфолого-синтаксического способа словообразования стоит отметить, что он не стал широкоупотребительным в новописьмен-

ном языке. В новообразованиях выявляется два основных направления: 1) причастия употребляются в качестве имён существительных и прилагательных: *kirjuttai* 'автор', *puolistai* 'адвокат'; 2) инфинитивы употребляются в качестве имён существительных *mugavumine* 'ассимиляция', *tatumu* 'зараза'.⁷

На основании социолингвистического анализа употребления новой лексики можно выделить следующие особенности:

1. При наличии дублетных пар у новых лексических единиц предпочтение носителями языка отдаётся либо словам, созданным из собственных ресурсов карельского языка, либо заимствованиям из русского языка. Группа информантов старшего возраста по преимуществу пользуется русскими заимствованиями при отсутствии эквивалента в карельском языке.
2. Созданные путем прямых заимствований из финского языка лексемы с трудом воспринимаются носителями языка (например, *sobimus* 'договор', *muuttolinnut* 'перелетные птицы'). Семантически понятными такие лексемы становятся только для владеющих финским языком. Меньше затруднений для понимания вызывают лексемы, созданные путем калькирования или полукалькирования (например, *rahvahanlugu* 'численность населения').
3. При отсутствии ранее употреблявшихся карельских эквивалентов некоторые слова общеупотребительного языка, слова-термины или слова, приближенные по значению к терминологическим единицам, информанты предлагали перевести описательно (например, 'перечень', 'перелетные птицы' и т.д.).
4. В предлагаемых информантами вариантах перевода единиц терминологического значения встречались сложные слова, одна из частей которых представляла собой заимствование из финского языка, вторая часть – заимствование из русского языка (*eläkehfondu*), либо первая часть – собственная единица, вторая – русское заимствование (*opstandukniigu*) и т.д.

Исследования употребления новой лексики могут быть полезны с точки зрения анализа выбора наиболее удачных приемов словообразования и лексической базы.

В Заключении сформулированы основные выводы исследования.

⁷ Маркианова Л. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. – Szombathely, 2003. – С. 72.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Развитие лексической системы в условиях формирования письменности (на материале карельского языка) [Текст] // Прибалтийско-финское языкознание. - Петрозаводск, 1994. - С. 40-52.

2. К вопросу формирования терминологической системы карельского языка [Текст] // Гуманитарные исследования в Карелии / Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. - Петрозаводск, 2000. - С. 178- 183.

3. Некоторые итоги социолингвистического исследования по формированию новой лексики в карельском языке [Текст] // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии. - Петрозаводск, 2002. - С.113-125.

4. Изучение субъективных параметров при описании языковой ситуации [Текст] // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия / Материалы научно-практической конференции 31 октября 2002 года. – Петрозаводск, 2002. - С.133-134.

5. К анализу субъективных параметров языковой ситуации [Текст] // Прибалтийско-финское языкознание. - Петрозаводск, 2003. - С. 191-200.

6. Анкетирование как метод анализа языковой ситуации [Текст] // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика / Материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН. – Петрозаводск, 2006. – С.60-62.

7. Новописьменный карельский язык: традиционные словообразовательные модели и неологизмы [Текст] // Вестник Поморского университета. – Архангельск, 2006. – N 5. – С. 137-141.

8. Koppaleva J., Kovaleva S. Kirjakielten sanakirjat - historia ja nykyaika / J. Koppaleva, S. Kovaleva // Межкультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве пограничного региона / Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. - Петрозаводск, 2005. - С.311-317.

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99. Подписано в печать 08.11.06.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 1,1. Печ. л. 1,1. Тираж 100 экз. Изд. № 82. Заказ 621.

Карельский научный центр РАН
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
Редакционно-издательский отдел